

ТРИ ПОЭТА

Отклик на книги Сергея Чернопятова «Падение исключено!», Юлии Сычёвой «Вне времени», Ольги Хапиловой «Заповедное русское слово». Декабрь 2018 года – январь 2019 года.

Когда проживаешь самый короткий день и самую длинную ночь в году, а за окном вторые сутки завывает жуткая метель, то невольно хочется чего-то яркого. Вот так в последние дни уходящего года в ожидании наступления нового, светлого времени сделала выбор – из трёх поэтических сборников первым решила прочесть тот, что имел почти «апельсиновую корку» – тёплую, солнечную, одним словом, летнюю обложку да ещё с парящей чайкой на фоне золотисто-песочного неба.

Третья книга Сергея Чернопятова «Падение исключается...» или всё же «Падение исключается!» состоит из пяти частей. Член Союза писателей России В. С. Арнаут во вступлении «От составителя» сказал о поэзии Чернопятова – «это не модная ныне абстракция и заумная образность», главное в ней «публицистичность, выдержанная в лучших классических традициях». Высок ли градус патриотичности и гражданственности в стихах Сергея Чернопятова, судить не берусь. Прочтите стихотворение «Наблюдения в детсаду», и этот самый градус определится сам собой. Глубинную суть стихов, написанных на злобу дня, поймут только русские люди, точно так же, как иронично-шаржевые посвящения будут в большей степени близки и понятны друзьям и студийцам «Притомья». Из эпиграфов, что предваряют многие стихи, становится ясно, что Сергей Васильевич с книгой дружит с самого детства и она, «ровесница», «до дыр протёрта и разбухла». И пусть герои книг и кинофильмов уже «ушли к звёздам млечной тропею», но они до сих пор в сердце автора, а его память частенько «окунается» в детство – «а память моя срочно вдруг в детство окунулась». И такие «окунания» способствуют рождению сравнений, позволяющих переходить с житейской плоскости в философскую сферу. Невозможно остаться равнодушным от пронзительных стихотворных строк «Ко Дню Победы», «Реплика провинциала» или «Юрию Дубатову», потому что автор всей душой болеет за своих несправедливо обиженных и униженных героев. Очаровало стихотворение «Очарованный повар» – легко, светло, «очень вкусно!» Есть ещё одно стихотворение, на которое обратила внимание в связи с возникшей недавно дискуссией в СМИ и прошедшим заседанием Совета по культуре. Называется оно «Эпитафия русскому мату».

*Убойный мат всегда броней
Нам был... А ныне её сняли –
Как будто вновь перед войной
Весь комсостав наш расстреляли.*

Не знаю, как насчёт «комсостава», но «сняли броню» – это точно! Размытость границ дозволенности устранила нравственные ориентиры и ограничения не только в речи, но и в поступках и поведении людей. Ненормативная лексика, ставшая у многих атрибутом повседневной жизни, привела к потере её ядрённости и магической силы. Крепкие выражения, произносимые в нестандартных ситуациях, служили порой тем самым спусковым крючком, который способен был мгновенно встряхнуть человека гораздо эффективнее, чем любые угрозы и посулы. Кто-то из журналистов заметил, что не сумели сберечь русский мат – национальное и не оценённое по своей силе психологическое оружие, что, употребляя без всякой надобности, растратили его походя. И это в то время, когда идёт мощнейшая информационная война!

Десять коротких рассказов-зарисовок вошли в последнюю главу книги. Из них узнаёшь, что автор – заядлый футбольный болельщик, заботливый и любящий сын, муж, отец, дед, талантливый человек, удостоенный литературной премии! «Окунув» читателя в детство, автор знакомит его со своими школьными друзьями-приятелями. Живым, эмоциональным языком написаны все истории. И становится ясно, что рассказчик – добрый, душевный человек.

Глубинно-синяя, звёздно-космическая бесконечность, начинающаяся сразу же за дверью вагона метро или городского троллейбуса, украсившая обложку сборника Юлии Сычёвой, соответствует его названию – «Вне времени». Что значит – вне времени? Вне границ чего-то обыденного, знакомого, всем известного, привычного? А если попытаться выйти за эти границы? Что там, за дверью дребезжащего трамвая? Просто городская улица или неизведанное космическое пространство? И близки друг другу эти два измерения, и нет, если хорошо присмотреться – между ними никакой границы. Не каждому дано увидеть в простой житейской суете и маете космические дали, не каждый задумается над вечными вопросами: «кто я?», «зачем и для чего?»

*живёшь вне времени в затерянной деревне
как вдруг весной оглянешься и вот
захочется каких-то обновлений
задумаетесь какой-нибудь ремонт*

Просто? Да, просто! И такая простота пронизывает все стихи в сборнике. За этой кажущейся простотой, доступностью, лёгкостью строк простирается душевный космос автора стихов. И читая, улавливаешь иронию, грусть, щемящую боль о невозвратности прошедшего времени и понимаешь, что всё, о чём говорит автор, – вне времени, а значит – всегда!

«Заповедное русское слово» Ольги Хапиловой стало третьим прочитанным сборником. Долго вслу-

шивалась в название, напоминало слово «заповедное». Если оно от «заповедника», то там, в заповедных местах, обязательно должна быть нетронутая цивилизацией первозданность. В заповеднике Ольги Хапиловой не счесть истинно русских слов – чистых, красивых, но забытых: *приснопамятный, прашур, внемли, убиенный, горечавки, тенёт, испокон, морось, квёлы, доселе, бремя, персты, десница, уста, млеть, сердешный, ранешный, бедовать, обронить, внемли, калики, нынче, зга, паки, супротив, снегостав, хлебозоры, терновый, чертогах, горний, проказить, откушать, лобызать, глава, болезный, поскотный*. А выражения? Они тоже из этого – заповедного: *народец поруганный, словечки охальные, забыли – отринули, говорить – приговаривать, дымка каждения, ризы смальтовые, сквернил лаем, пресловутая тайна, аки по суху древле, куражился бражник*.

Красивы многочисленные поэтические образы: «сугроб» из облаков, «будто стог смётан», «в бараки сбит лес когтями скоб», «не дрожит накрахмаленный лист», «веера крыл сорочьих оттиски и нарыск», «мокрой порванной ватой покрыты холодные ветви – акварельный эскиз, прорисованный в небе седом», «запуталась радуга, лист крася, будто в неводе щука, в ветвях клёна», «снег шелестит, как будто тонкой покрыт слюдой».

Как правильно заметила Ольга в своём стихотворении «Русское слово»: «Чтобы прочувствовать верное русское слово – нужно прислушаться к шелесту лип и берёз». Без понимания и принятия душой русской природы невозможно понять суть и красоту русского слова, и только тогда «слово щемящее ляжет на чистый бумажный листок». Кто, как сохранил, сберёг «заповедное русское слово»? И Ольга отвечает – береста. И пусть она «только с первого взгляда проста, / дратвой шитая грубо, сурово, / но надёжно хранит береста / заповедное русское слово». Так, может, слово «заповедное» имеет смысл «заповедь»? Может, недаром последнее время люди настойчиво стали интересоваться историей, искать свои корни, своих предков, составлять родовые древа? Ольге удалось найти ответы на эти вопросы в стихах – «Хлебозоры», «Алтай», «Богатыри».

Так оставили нам всё-таки заповедь предки? Найдём ли когда-нибудь заповедную страну Беловодье?

«А дотуда дойдёт, кому Бог отдал. / А дотуда дойдёт, кто лицом светел, / Кто от юности уст не сквернил лаем». Слышите какая напевность? Какая сказочность? О чём пропоёт мне, читателю, сказочный гуслиар, какими «заповедными русскими словами» наполнит своё повествование? А вот какими:

*Есть слова, что всегда с послевкусием тают во рту,
Будто мёдом облитый душистый и пышущий мякиш.
Как пронзают умы те слова за всполохом всполох –
А казалось бы, что там, слова, без прикрас, без узоров!*

Прочитаны все три поэтических сборника – разных по своему содержанию, разных, но, безусловно, талантливых авторов. А моя копилочка знакомств с кузбасскими поэтами пополнилась ещё тремя именами.

P. S.

Нечаянная радость ждала меня в январе – три книги Сергея Васильевича Чернопятова. Читала и удивлялась, а удивившись, читала дальше. Но не могла себе даже представить, что фразой про *глубинную суть стихов, написанных на злобу дня, фактически угадала название четвёртой книги Сергея Васильевича! И могу теперь продолжить*. Если вам когда-нибудь захочется узнать о тех событиях, которые случились в мире, то не трудитесь листать подшивки газет, а просто читайте стихи Сергея Чернопятова. Прочитайте и те стихи, в которых Сергей Васильевич «разговаривает» с поэтами и писателями, и они предстанут перед вами не строгими и великими, как на портретах, что висели на стене в кабинете литературы, а как «социализм с человеческим лицом».

А если следовать терминологии Вадима Кожина в книге «Как пишут стихи», где даётся определение стихотворной «беллетристики», то смею полагать, что стихи Сергея Чернопятова являются именно таковыми. Они «несут в своём содержании так называемую иллюстративность, прямолинейность отклика на текущие события, обнажённую эффектность фраз, известную поверхностность». А если это «Т-А-А-А-К», то «и строки мои, как реки...». Удивляйте нас, читателей, Сергей Васильевич, и дальше! Удачи!

Татьяна ГОРОХОВА,
г. Топки

